ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ
ВЪ РИГѢ.

24 го, 25 го и 26 го Маія

1802 года.

Переводъ съ Нѣмецкаго.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,
при Императорской Академіи Наукъ 1802.

печатано съ дозволенія Санктпетербургскаго
Гражданскаго Губернатора,

Панкратьева.

ЕЯ ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНѢ

ИМПЕРАТРИЦѢ

ЕЛИСАВЕТЪ АЛЕКСѢЕВНѢ.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Хвалить кстати и не кстати великихъ сего міра, для своей личной пользы, вещь слишкомъ обыкновенная; но сколько непрочная такая похвала, это всякой довольно знаетъ.

Авторъ этихъ листковъ лучше многихъ Панегиристовъ можетъ быть похвалилъ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА; но къ нему ни кто не можетъ здѣлать привязки подозрѣніемъ своимъ, ибо онъ не славилъ а только разска-

зывалъ о Немъ съ точностію Историка, и въ этомъ случаѣ Бытописецъ свыше Панегириста.

Да и какіе искусные Ораторы могутъ украсить и возвеличить тѣ блистательныя дѣла, которыя всего больше красятся собою?

Трехдневное пребываніе Государя въ Ригѣ принесло больше Ему славы, нежели иному Владѣльцу многіе годы его царствованія; щастливое же нача-

ло правленія юнаго Царя открываетъ много свѣта на будущую судьбу Россіи, и показываетъ въ Немъ душу Величественнѣйшія Его Праматери и любезность характера Его несравненной Супруги. — Благо сынамъ Россіи! — Слава Его будетъ для нихъ щастіемъ.

ВСЕАВГУСТѢЙШАЯ ИМПЕРАТРИЦА! издавая въ свѣтъ сію книжку, я думаю здѣлать публикѣ Россійской драгоцѣнной подарокъ, а посвящая высокому

имяни Вашему трудъ сей, ласкаюсь, что Вы примете его какъ чистѣйшую жертву моего къ Вамъ усердія.

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА

вѣрноподданный

Григорій Глинка.

ИМПЕРАТОРЪ
АЛЕКСАНДРЪ
ВЪ РИГѢ.

24 го, 25 го и 26 го Маїя

1802.

Мы Его видѣли! Любящїй Отецъ пробылъ между чадъ своихъ малое число дней, впрочемъ дѣянїями обильныхъ. Образъ Его живѣйшимъ образомъ запечатлѣнъ въ умахъ и сердцахъ нашихъ, и память о Немъ сохранится на вѣки.

Для чего всѣ описанїя на бумагѣ безъ огня и жизни, и пламенныя чувства нашего энтузїасма остаются мертвы подъ рукою писателя? — Но

я въ собственномъ вашемъ ощущеніи, градожители щастливой Риги, буду заимствовать блистательныя краски для сего легкаго эскиза. Работа моя маловажна, но самой предметъ столько достопримѣчателенъ, что не многіе сіи листы не могутъ имѣть одинакой жребій съ обыкновеннѣйшими произведеніями пера, которыя умираютъ при самомъ ихъ рожденіи. Отецъ семейства сохранитъ ихъ въ фамильныхъ своихъ архивахъ. Когда насъ больше не будетъ, когда дѣти дѣтей нашихъ по среди благоденствія будутъ благословлять щастливую свою долю подъ кроткимъ правленіемъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ; тогда они скажутъ:,, Этотъ МОНАРХЪ,
,,теперь давно уже сѣдовласый старецъ, многія лѣта прежде сего, въ
,,цвѣтѣ лѣтъ и красы посѣщалъ Ригу,
,,гдѣ Онъ блисталъ какъ нѣкій Богъ
,,по среди любви народной, и память о

„Немъ сохранена въ сихъ старинныхъ „листкахъ. Наши дѣды часто и много „намъ о томъ разсказывали, но всѣ „рѣдкія качества сего высокаго Посѣти-„теля, равно какъ и общая радость „народная, безъ сомнѣнія столько же „слабо ими описаны, какъ и Авторомъ сихъ „листковъ, сколько и мы сами того не „въ силахъ здѣлать. Ахъ! естьлибъ „смерть дѣтей нашихъ постигла тогда, „какъ Самодержавный АЛЕКСАНДРЪ „еще бы красился подъ вѣнцомъ неувя-„даемой славы!„

Маія 19го, весьма рано поутру разнеслись въ Ригѣ радостные слухи, что Его Величество предпринялъ здѣлать путешествіе для обозрѣнія нѣкоторыхъ Провинцій Россійской Имперіи, изъ С. Петербурга отправится въ путь 20го, въ вечеру 21го будетъ на

границахъ Лифляндіи, а 24го чрезъ Дерптъ, Валкъ и Вольмаръ прибудетъ въ Ригу.

Свита Его Величества долженствовала быть малочисленна, судя по тому, что на станціяхъ было заготовлено по 70 лошадей. (*)

Извѣстіе о скоромъ прибытіи Государя какъ электрической ударъ потрясъ всѣхъ сердца. Мѣщанство собралось между собою, и согласилось единодушно принять Его торжественно. Хотя всякому извѣстно, что юный

(*) Въ расписаніи провизіи, куда входили только необходимѣйшія вещи для обѣденнаго и ужиннаго стола Его Величества, можно замѣтить слѣдующія Его слова:

„Естьли между означенными съѣстными „припасами будетъ чего не доставать; то „не требуется имѣть особеннаго о томъ „попеченія, а стараться замѣнить таковой „недостатокъ иными припасами.„

МОНАРХЪ вообще не терпитъ всякаго рода торжественнаго шума и блеска; но какой горожанинъ Рижской, горя любовїю пламенною къ своему Государю, могъ быть холоднымъ энтузїастомъ, и не обнаружить предъ Нимъ радости своей и признательности живѣйшимъ образомъ? Нѣтъ это было свыше всякой возможности; и мы видѣли какъ снисходительной АЛЕКСАНДРЪ уступивъ благородной слабости согражданъ, позволилъ здѣлать себѣ прїемъ какой они сами хотятъ. Ахъ! Онъ зналъ, сколько любовь подданныхъ Его къ Нему не ограничена; Онъ знаетъ, какимъ неоцѣненнымъ блаженствомъ Лифляндїя Ему обязана.

Подъ предводительствомъ избраннаго ими Полковника Фалка, мѣщане стали по ротно, и протянули линїю по обѣ стороны улицы отъ градскихъ воротъ до Замка. Рота егарей въ зеле-

ныхъ мундирахъ, и другая въ синихъ, съ Императорскимъ шифромъ на каскахъ, красились одеждою своею въ послѣднемъ вкусѣ, видными людьми и хорошею музыкой. Зеленая и синяя мѣщанская гвардія верьхомъ встрѣтила Государя въ четырехъ верстахъ отъ города, а сплошь до самой такъ называемой Нейермилерской станціи, 11 верстъ отъ Риги, народъ толпился въ несчетномъ многолюдствѣ.

На этой станціи Государь Императоръ былъ принятъ нашимъ главнокомандующимъ, Г. Генераломъ отъ Инфантеріи К. Голицынымъ, гдѣ такъ же находились членъ Ландратской-Коллегіи и два Депутата отъ Магистрата. Мостъ у Новой мѣльницы, гдѣ начинается граница города, былъ украшенъ арками и гирландами изъ зелени, по концѣ котораго стояли большія вороты дугою, такъ же зеленью убран-

ныя, а надъ сводомъ пирамида формою Императорскаго А, по одну сторону градской Гербъ, а по другую Государственной Орелъ.

Процессія подвигалась впередъ медленно, поелику чѣмъ болѣе приближалась къ городу, тѣмъ болѣе тѣснота народная затрудняла ея шествіе. У песчаныхъ горъ собралось нѣсколько сотъ большею частію изъ Россійскихъ въ Ригѣ купцовъ. Они остановили Императорскую карету, въ которой подлѣ Государя сидѣлъ Князь Голицынъ, и просили дозволить отпречь лошадей и вести имъ самимъ обожаемаго своего Государя до Замка. Сначала Государь не хотѣлъ на то согласиться, но прозьбы ихъ были столько усильны, слезы столько убѣдительны, что Государь не вольнымъ образомъ отдался имъ. И вдругъ нѣсколько сотъ человѣкъ повлекли карету въ городъ, и сей

тихой ходъ кареты доставилъ простому народу ту выгоду, что они могли въ доволь насладиться Его лицезрѣнїемъ.

Такое зрѣлище какъ въ частяхъ такъ и въ цѣломъ свыше всякаго описанїя. Рига въ это время казалась быть несравненно многолюднѣйшимъ городомъ, нежели какова она по самой вещи. Улицы, по которымъ Государь въѣзжалъ въ городъ, были полны народа, по окнамъ и у дверей разставлены были Монаршїе бюсты, большею частїю подъ зелеными балдахинами, въ вѣнкахъ изъ розъ; не умолкаемое *Ура! Виватъ! Да здравствуетъ АЛЕКСАНДРЪ!* Раздавалось повсюду; шляпы летали вверхъ, дамскїе платки развѣвали въ окнахъ всякихъ цвѣтовъ; упоенїе чистѣйшей радости, всеобщее ликованїе восторга, оказывалось на всѣхъ лицахъ въ домахъ, по стогнамъ, въ улицахъ, въ цѣломъ городѣ.

Самъ же МОНАРХЪ — Ахъ! Кто видѣлъ этѣ перлы въ глазахъ Его, этотъ видъ Ангельской кротости, эту черту приверженности къ народу своему, тотъ понесетъ съ собою въ гробъ портретъ Его. (*)

Такъ простиралась въ даль процес-

(*) Всеобщій энтузіастической духъ простерся и на самихъ Иноземцовъ. Я приведу здѣсь только этотъ примѣръ. Матросъ съ Любскаго корабля пробиваясь сквозь кучу людей, кричалъ много разъ: дайте мнѣ взглянуть на миролюбиваго Государя, дайте! и подлинно ему удалось приближиться къ самой каретѣ, но колѣсо проѣхало ему по ногѣ и отдавило ему два перста. Однакожъ удовольствіе, которымъ онъ упивался, было столько не обычайно, что онъ того самъ не примѣтилъ, и когда около стоящіе заставили его обратить на себя вниманіе, онъ отвѣчалъ: „это не большая бѣда! это бездѣлка! мнѣ теперь не до моихъ двухъ пальцовъ. Мои глаза видѣли миролюбиваго Государя! я щастливъ!„

сія, предводимая обѣими мѣщанскими гвардіями чрезъ всѣ улицы къ Замку, торжественно тихо какъ лавный потокъ, — не вредъ и опустошеніе причиняющій, но благоденствіе частное и общее; пламя лавы горѣло во всѣхъ сердцахъ.

За два часа по полудни процессія наконецъ остановилась у Замка, гдѣ Государь привѣтствуемъ былъ Генералитетомъ, корпусомъ Офицеровъ, такъ же чиновниками разныхъ присудственныхъ мѣстъ, послѣдніе подъ предводительствомъ Г. Гражданскаго Губернатора Рихтера.

Свита ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА состояла изъ слѣдующихъ значущихъ по ихъ званіямъ чиновниковъ:

Членъ Государственной Коллегіи Иностранныхъ дѣлъ, Его Сіятельство Г. Тайный Совѣтникъ и Кавалеръ Графъ Кочубей.

Его Сіятельство Г. Генералъ-Лейтенантъ, Генералъ-Адьютантъ и Кавалеръ Графъ Ливенъ.

Его Сіятельство Г. Генералъ-Адьютантъ, Князь Волхонской.

Его Сіятельство Г. дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Графъ Толстой.

Его Превосходительство Г. дѣйствительный Камергеръ и Кавалеръ Новосильцовъ.

Лейбъ-Медикъ, Г. Статскій Совѣтникъ Віелли.

Въ шесть часовъ вечера, ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изволилъ отправиться въ здѣшній театръ. Я щитаю за лишнее упомянуть, что во все время пребыванія Государя въ Ригѣ, народъ вездѣ бѣгалъ за нимъ толпою, и радостное *ура* не умолкало ни на минуту.

Начиная у входа театра до самой ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ложи, молодыя дѣ-

вицы все лучшаго произхожденія", одетыя въ белоснежной тонкой линобатистъ, протянулись въ две линіи. Они кидали Ему цветы, и при входе въ ложу подала Ему двенадцати-летняя девушка розу, съ такою печатною надписью на ленте, которою былъ перевязанъ цветокъ:

Aus der Blumen Fulle
Nimm die Blume der liebe
Nimm die Blume der Freude
Diese Rose —
Rose Du unter den Fürsten!

Т. е. Изъ кущи цветовъ возьми цветокъ любви и радости, эту розу — роза Ты Самъ между Царей!)

Вошедъ въ ложу, приветствовала Его многолюдственная публика съ живейшею радостію; оркестръ игралъ известную мелодію: God save the King, и все собраніе пело громко съ душевнымъ соучастіемъ следующія слова:

Singt Alexander Dank!
Des Herzens Lobgesang
Erton' Ihm laut!
Heil uns! wir sehn Ihn Heut!
Uns ist sein Blikk geweiht!
Ach! warum flieht die Zeit
So pfeilgeschwind?
Du mit dem Seegensblikk
Nimm Deiner Volker Glükk
Zum Lobgesang!
Aus jedem Herzen wallt,
Von jeder Lippe schallt,
Das Kind am Busen lallt
Dir Lieb' und Dank.

(Т. е. Съ живѣйшимъ удовольствіемъ воспоемъ громогласно хвалу и благодареніе нашему АЛЕКСАНДРУ! Благо намъ! мы Его видимъ сего дня! мы наслаждаемся пріятнымъ лицезрѣніемъ Его! Ахъ! для чего время летитъ съ быстротою стрелы?

Великолепная краса земная, утѣха Россіи и диво свѣта, пріими благоденствіе Твоего народа въ хвалебную пѣснь!

любовь и признательность есть общая и единственная Тебѣ дань отъ Твоихъ подданныхъ, начиная отъ старца, которой благословляетъ Тебя съ восторгомъ, хотя чувства его уже замерли ко всему земному, и до самаго птенца, которой лепечетъ съ удовольствїемъ Твое Имя, не имѣя никакого еще другаго понятїя о удовольствїяхъ).

Радостные клики снова были отъ всюда слышимы, занавесь поднялась, и актриса Мейреръ начала слѣдующею рѣчью:

Wer spricht es aus, des Herzens Hochgefühl,
Das Heute jeden Busen schwellet?
Wer mahlt den Flammenblikk, der jedes Aug' erhellet?
Ach! der vermag kein Lied, kein Saitenspiel!
Der Felsenstrom, der rasch durch Damm und Ufer bricht,
Er mahlt die Allgewalt von Riga's Freude nicht.
Ja Riga jauchze laut! der Gütige, der Weise,
Durch den mit neuem Schmukk Ruthenien erblüht,
Durch den das Leben stieg im Preise,

Dein Herrscher ist's, den dein entzücktes Auge sieht!
Ihr Jungfraun, streut Ihm Blumen auf die Pfade!
Singt Hymnen Ihm im vollen Chor!
Wank ihm entgegen, Greis am Stabe!
Du Mutter, heb den Säugling Ihm empor! —
Und hier, wo sonst der Muse Spiel
Zu frohem Sinn, zu süßem Mitgefühl
Die Herzen sanft und freundlich wekket —
O dankt Ihm! — in Thaliens stillen Hain
Will Er mit euch empfinden, will mit euch sich freun.

Erhabenster Monarch! Wenn unserm Spiele
Ein Zug der edelsten Gefühle,
Der Menschenlieb' und Tugend je gelang;
Nimm Du dafür den wärmsten Herzens Dank!
Bey jedem Zug des Edelmuths, der Tugend,
Hat hier der Greis, der Mann, die Jugend,
Schnell Deines Herzens Bild erkannt,
Im Herzen seegnend Dich genannt!
O weil uns lange noch in Deiner schönen Blüthe
Und sey noch einst, nach Jahren ohne Zahl,
Für Weisheit, Mild und Herrschergüte,
Des Dichters reinstes Ideal!

(Т. е. Какой красноглаголивый языкъ разскажетъ какъ жаркое пламя любви горитъ въ груди у насъ? какая искусственная

кисть изобразить огненный взоръ очей нашихъ? Ахъ! этаго не можетъ никакой талантъ поэта и живописца! Быстроревущій потокъ, которой все ломитъ, все испровергаетъ на пути своемъ, изобразитъ намъ всесильную радость Рижскихъ градожителей.

Такъ! Рига должна ликовать громогласно! юный Монархъ ея красящійся подъ блистательнѣйшимъ вѣнцомъ въ мірѣ, и возвышающійся такъ славно надъ блескомъ своего величія кротостію и благоразуміемъ своимъ, есть Властелинъ ея, на котораго она теперь любуется съ восторгомъ, и не можетъ налюбоваться!

Вы, дѣвы юности и красоты, разбросайте цвѣты по стезямъ Его; пойте Ему гимны полнымъ хоромъ! повлекитесь на срѣтеніе Ему старцы-костыльники! матери, подымите вверхъ грудныхъ птенцовъ своихъ! —

А здѣсь, гдѣ нѣкогда Талїя и Мельпомена развеселяли духъ и услаждали чувства — О принесите Ему благодаренїе! — Онъ такъ же хочетъ веселиться и горевать съ вами прїятнѣйшимъ образомъ.

Имянитый Вѣнценосецъ! естьли намъ когда либо удавалось выражать щастливо благороднѣйшїя чувства добродѣтели и человѣколюбїя, мы Тебѣ одному этимъ обязаны! во всякой чертѣ изящнаго чувства здѣсь всѣ узнавали Твой образъ, и общее рукоплесканїе относилось на Твое лицо, хоть мы его толковали въ свою пользу.

О да будешь Ты сохраненъ на долгое время для славы мїра и утѣхи Россїи, и да послужишь Ты нѣкогда для поэта образцомъ нравсщвеннаго существа, подобно какъ Бельведерской Апполонъ служитъ Скульптору прекраснѣйшимъ идеалемъ наружной красоты!)

Послѣ этаго была представлена опера: Лодоиска, которую Государь изволилъ слушать до самаго конца.

Здѣшнее общество пригласило Рижскую публику на такъ называемой нарядной балъ (ball-paré), и на сей балъ сабралось обоего пола слишкомъ 500 человѣкъ, и Его Величество такъ же ощастливилъ сіе празднованіе присутствіемъ своимъ. Когда Онъ вступилъ въ большую залу, представился Ему между изображеніями Петра I и Екатерины II сквозной обелискъ съ Императорскимъ вензелемъ, а на піедесталѣ слѣдующіе стихи:

Dich grüßen unsre Worte nicht;
O lies in jedem Angesicht,
In jedes trunkenen Blikken
Der Liebe segnendes Entzükken.
Ach warum kannst Du nicht die Herzen selbst auch fragen?
Doch Dein Herz sage Dir, wie unsere für Dich schlagen.

(Т. е. Слова не могутъ Тебѣ сказать всего того что произходитъ въ сердцахъ у насъ; нѣтъ! лучше читай восторги благословляющей любви изъ свѣтлыхъ взоровъ и очей нашихъ. Ахъ! для чего Ты долженъ говорить съ сердцами чрезъ толкованія, а не прямо чрезъ самого себя? но сердце Твое пускай Тебѣ само скажетъ, какъ сильно наши бьются для Тебя).

Императоръ открылъ балъ со вдовствующею женою дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника Г. Фитингофа, послѣ того танцовалъ съ супругою Г. Гражданскаго Губернатора и со всѣми первостатейными дамами, и на послѣдокъ съ дамами всякихъ чиносостояній. За ужиномъ хотя Онъ не садился за столъ, однакожъ занимался съ кушающими дамами пріятнѣйшими разговорами, которые останутся всѣ между нами на долго незабвенны.

Послѣ полуночи Онъ оставилъ балъ и поѣхалъ въ Замокъ, гдѣ Онъ — не сладостному сну предался, но — внимай сему Россія и веселись! — но въ тихомъ кабинетѣ своемъ вмѣстѣ съ сотрудниками своими до 2 часовъ занимался государственными работами. Такъ провелъ Онъ въ бдѣніи для блага своей націи тѣ часы ночи, въ кои иные праздновали Его посѣщеніе, а другие отдыхали на мягкихъ постеляхъ.

Въ воскресенье 25 го около семи часовъ утра ѣздилъ Онъ верьхомъ чрезъ Двинской мостъ по всему городу, чтобъ показать Себя народу. На всѣхъ судахъ подняты и разпущены были флаги, на судахъ и мостахъ толпился народъ, матросы взлезали на самые верьхи мачтъ, бросали свои шляпы, и кричали на высотахъ въ воздухѣ радостное *ура*.

Въ 9 часовъ Онъ былъ на вахтъ-парадѣ, приказалъ представить Себѣ въ

Замкѣ корпусъ Офицеровъ; по томъ слушалъ обѣдню въ Соборной Греческой церкви, допустилъ къ себѣ гражданскихъ чиновъ и купечество, и около часа отправился въ рыцарскїя палаты, гдѣ Лифляндское дворянство имѣло особенное щастїе угощать своего Посѣтителя, и представить Ему находившихся тутъ пяти Ландратовъ.

За обѣденнымъ столомъ повстрѣчалось такое обстоятельство, которое по чрезвычайности его заслуживаетъ мѣсто въ листкахъ хроники Рижской.

Одинъ здѣшнїй помѣщикъ имѣетъ у себя тотъ самой кубокъ, изъ котораго Петръ Великой 18 Ноября 1711, по случаю отправленїя какого-то празднества въ Ригѣ, пилъ во здравїе города. Онъ больше обыкновеннаго стакана, и со всѣмъ въ старинномъ вкусѣ. Нашъ Беренсъ такъ же не забылъ о немъ упомянуть. Къ нему придѣлали крышку,

на которой изображено золотыми литерами самое произшествіе и число. Когда лѣтъ около семидесяти тому назадъ случился пожаръ въ загородномъ домѣ, хозяинъ вскричалъ: „пусть все гибнетъ, спасите только кубокъ Петра Великаго!„ — Ему посчастливилось; хотя изо всего домашняго имущества только и успѣли вынести изъ дома что одинъ этотъ кубокъ. Такъ переходилъ онъ по праву наслѣдства отъ отца къ сыну до позднѣйшаго нынѣшняго владѣльца.

Этотъ кубокъ за столомъ поставленъ былъ передъ Государя: Его Сіятельство Графъ Кочубей взялъ на себя трудъ разсказать Ему исторію этаго кубка. Императоръ АЛЕКСАНДРЪ налилъ его полной шампанскимъ виномъ, всталъ съ своего мѣста, и произнесъ громко слѣдующія слова на нѣмецкомъ языкѣ:

„За здравіе дворянъ, мѣщанъ и всей „націи!„

И выпилъ до послѣдней капли.

Этотъ кубокъ для теперешняго владѣльца и для его послѣдователей здѣлался безцѣненъ, и это по причинѣ, которую всякой угадать можетъ.

Послѣ обѣденнаго стола Государь осматривалъ крѣпость, здѣшнія филантропическія заведенія, Ратгаузъ, водяную машину, городскую библіотеку и Музеумъ.

Разсматривая водяную машину, Государь посѣтилъ самого Мастера, и чрезъ таковое нечаянное посѣщеніе Онъ ощастливилъ несказанно этотъ не большой домашній кругъ.

Въ библіотекѣ Онъ спрашивалъ тамошній Малабарскій манускриптъ и собственноручныя Лютерова письма, и приказалъ ихъ себѣ показать.

Въ 8 часовъ вечера отправился Государь опять въ Рыцарскія палаты, куда на званой балъ собралось болѣе 300 особъ обоего пола. При вступленіи Его въ комнаты, дѣвица Рихтеръ, дочь здѣшняго Губернатора, подала слѣдующіе на пергаментѣ отпечатанные стихи:

Nicht uns Monarch! gehörst Du an!
Europa fordert Dich zu Fürsten-Idealen,
Neu lebt die Menschheit auf in Deines Thrones
Strahlen,
Und wer das Gute liebt, der ist Dein Unterthan.
Doch desto seel'ger das Entzücken,
Daß Alexander! Dein wir sind!
Und das, Dein Liefland zu beglücken,
Des Scepters Macht so schön das Gottes-Werk beginnt.
O! bei der Liebe Seeligkeiten,
Die Dich und uns durchströmen! sey,
Wie jetzt die Wonne unsrer Treu,
Noch einst die Ehrfurcht fernster Zeiten.

(Т. е. Ты болѣе нежели Владыка надъ своими подданными, ибо цѣлая

Европа признаетъ Тебя своимъ, когда образуютъ по Тебѣ идеально своихъ Владыкъ! — Человѣчество оживаетъ снова подъ животворными лучами Твоего царскаго вѣнца, и кто только любитъ добро, тотъ уже Твой подданный. Сколько мы блаженны, что имѣемъ щастіе именовать себя Твоими, а Тебя нашимъ, и что въ образѣ Царя видимъ божество благотворное. О, да пребудетъ благословенна память Твоя въ роды родовъ до послѣдняго изъ сыновъ Россіи!)

Его Величество открылъ балъ съ супругою Г. Гражданскаго Губернатора, послѣ танцовалъ съ дамами всякихъ званій, и одушевилъ общество точно съ тою же самою неописанною любезностію, какъ и за день прежде сего.

Около полуночи Императоръ отправился въ Замокъ обратно, чтобъ до

3 часовъ утра работать для блага подданныхъ своихъ.

Въ оба вечера городъ и форштатъ безъ всякаго предписанія отъ начальства былъ освѣщенъ. Между многими хорошо придуманными освѣщенными картинами и изображеніями, слѣдующія могутъ быть здѣсь упомянуты.

Предъ Рыцарскими палатами выставлены были кромѣ великаго множества плошекъ, двѣ сквозныя картины:

Одна, эмблема земледѣлія, охраняемая и защищаемая мечемъ. Внизу: Указъ 3 Декабря 1801 (которымъ уничтожены зборъ въ казну хлѣбомъ) и стихи:

Nur schützen soll das Schwerdt den Pflug,
Der einst nicht bloß die Last der eignen Mühe trug.
Die Sonn' in aller Thronen Mitte
Ist auch das Heil von Lieflands ärmstes Hütte.

(Т. е. Мечь только для защиты

плуга долженъ быть скованъ, которой нѣкогда не по напрасну отягчалъ себя тяжелою работой. Усредоточенное солнце между всѣхъ престоловъ живитъ и согрѣваетъ такъ же и въ сельскихъ Лифляндскихъ хижинахъ.)

Другая, Символъ литтературы. Внизу: Указъ 21 Генваря 1802 (въ которомъ означена всегодно огромная сумма на содержаніе Дерптскаго Университета) а подъ нимъ слѣдующія строки:

Aus Lieflands Fluren hieß Er Seinen fernen Gränzen
Der Weisheit neuen Tempel glänzen.
Der späten Nachwelt Licht wird noch den Dank Ihm weihn;
Die Geister bleiben stets, so wie die Herzen Sein.

(Т. е. Прозорливый Монаршій глазъ не упустилъ изъ виду отдаленнѣйшихъ границъ Лифляндіи, гдѣ

требовалось насажденія наукъ, и гдѣ Онъ воздвигъ блистательной храмъ мудрости. Просвѣщеніе позднѣйшихъ вѣковъ обязано будетъ Ему своими лучами; вліяніе же Его на умы и сердца современниковъ своихъ равно сильно.)

Растаузъ былъ великолѣпнѣйшимъ образомъ разсвѣченъ принаравливаясь къ архитектурѣ дома, а по среди балкона горѣлъ разноцвѣтными огнями Императорской вензель между двумя пальмовыми деревьями. По левую сторону сквозная картина изображала Россію во всей ея обширности на земномъ шарѣ, надъ которою солнце блистательно возходило. Внизу картины:

Heil! Unserm Allxander Heil!
Sein Vaterherz, es schlägt für Millionen,
Die unter Seinem Schutz als frohe Menschen wohnen.
Der Sonne gleich, die wärmet und erhellt,
Beglükkt voll Mild und Kraft Er eine halbe Welt.

(Т. е. Благо нашему МОНАРХУ! Благо Ему! Отеческое Его сердце бьется для многихъ миліоновъ, которые въ Немъ чтутъ отца щастливѣйшихъ дѣтей. Подобно солнцу, которое свѣтитъ и согрѣваетъ, Онъ такъ же щастливитъ свои тьмочисленные народы и земли.)

По правую такъ же историческая картина, представляющая Рутенїю со знамемъ въ рукахъ, на которомъ изображенъ Имперской гербъ, у ногъ ея Исторія, повѣствующая дѣанія возлюбленнаго МОНАРХА. Ясно изображены были: Имянные Указы 14 Марта, 2 Апрѣля, 9 Сентября, 3 Октября 1801, 9 Апрѣля 1802, кои всѣ особенно ощастливили Ригу, внизу слова:

Volksliebe ist Dein Diadem,
Der Städte Flor, der Bürger Glück Sein Ruhm.
Auch ohne Schwerdtstreich groß, prangt Er
im Heiligthum,
Wird, wie ein Mark-Aurel unsterblich glänzen
Und Riga's Bürger Ihn mit Dank und Liebe
kränzen.

(Т. е. Любовь народная Его Дїадима, а цвѣтъ городовъ и щастїе гражданъ Его слава. Не желая гремѣть громкими побѣдами войны и здѣлаться великимъ чрезъ опустошенїе земель и истребленїе нацїй, Онъ какъ нѣкїй Богъ во священилищѣ, и безсмертїе Его прїосенится лаврами какого нибудь Марка-Аврелїя а не Александра мїропокорителя.)

Простая но замысловатая идея предъ домомъ Рижскаго купца Хлѣбникова такъ же заслуживаетъ вниманїе. Два рога изобилїя, концами своими обращенные вверхъ, и образующїе прекрасное Греческое А, вѣнчаемое Царскимъ вѣнцомъ. Внизу помѣщены были стихи такого смысла:

(Смотри какъ темнота ночи превратилась въ свѣтлость дня, и какъ природа сняла съ себя черной покровъ, чтобъ нарядиться въ торжественныя одежды. Рига горитъ блистательнѣйшимъ

свѣтомъ отъ радости что видитъ по среди ея небожителя въ образѣ короннаго Царя.)

Въ понедѣльникъ 26 го, прежде семи часовъ утра, Императоръ въ Замкѣ былъ воспріемникомъ при крѣщеніи новорожденнаго сына Генералъ-Маіора Языкова, послѣ этаго ѣздилъ верьхомъ для осмотра Таврическаго гранадерскаго полку, и удостоилъ на конецъ здѣшняго Гражданскаго Губернатора особенною милостію Своею, пожаловавъ къ нему на такъ называемой веселой завтрыкъ (Dejeuner-dansant). Общество собралось до 8 часовъ утра. Дворъ передъ домомъ до самой парадной лестницы усаженной густыми липами, переплетенные и связанные искусно фестонами и гирландами изъ цвѣтовъ, превращенъ былъ въ обширной гротъ, а по обѣ стороны стояли оранжереи и розовые кусты. При входѣ въ домъ, всѣ дамы вышли встрѣтить

Его Величество, усыпали путь Его цвѣтами, и Государь изволилъ пробыть здѣсь до 10 часовъ по среди танцовъ и всеобщаго веселїя.

Около 11 часовъ до обѣда оставилъ Онъ сей обожающїй Его городъ и отправился въ Митаву. Клики народной радости провожали Его за городъ, и долго еще носились по городу, какъ АЛЕКСАНДРА уже въ немъ не было.

Между многими Царскими милостями, которыми Императоръ осчастливилъ Лифляндию, всего прежде долженъ я упомянуть о рескриптѣ, на имя его Сiятельства Князя Голицына, въ которомъ ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО изображаетъ Свое Монаршее благоволѣнiе за устройство и порядокъ по всѣмъ частямъ Губернiи, и совершенную Свою признательность за приверженность къ Нему всего города Риги.

Опричь сего получили:

Его Сiятельство г. Генералъ отъ Инфантерiи, Инспекторъ Лифляндской девизiи, Рижской Военной Губернаторъ, Гражданской главнокомандующiй Лифляндской, Естляндской и Курляндской Губернiй и Кавалеръ Князь Голицынъ, Орденъ Святаго Апостола Андрея.

Его Превосходительство, господинъ Дѣйствительный Статскiй Совѣтникъ, Лифляндской Гражданской Губернаторъ и Кавалеръ Рихтеръ табакерку съ шифромъ Его Величества богато украшенную бриллïантами.

Супруга его бриллïантовой перстень съ солитеремъ.

Его Превосходительство, господинъ Генералъ-Лейтенантъ и Кавалеръ Булгаковъ бриллiантовой перстень съ шифромъ.

Его Превосходительство, г. Рижской

Комендантъ, Генералъ-Маїоръ и Кавалеръ Емме бриллїантовой перстень.

Его Превосходительство, г. Генералъ-Маїоръ Данцасъ бриллїантовой перстень съ солитеремъ.

Его Превосходительство, г. Дѣйствительный Статскїй Совѣтникъ Вицъ-Губернаторъ и Кавалеръ Беръ бриллїантовой перстень съ Императорскимъ шифромъ.

Господинъ Ландратъ, Полковникъ и Кавалеръ Сиверсъ, который провожалъ Его Величество чрезъ всю Лифляндїю, голубую емалевую табакерку осыпанную крупными бриллїантами.

Резидентный господинъ Ландратъ Баронъ Унгернъ-Штернбергъ бриллїантовой перстень съ шифромъ.

Господа Ландраты Графъ Мелинъ, Будденброкъ и Левенштернъ каждой по бриллїантовому перстню.

Старшина здѣшняго такъ называе-

маго общества: Schwarze-Häupter Гольстъ (*) брилліантовой перстень.

Адьютантъ Рижской Мѣщанской гвордіи Лангевицъ и Викенъ, которые находились при Его Величествѣ во все время Его пребыванія въ Ригѣ, каждой по брилліантовому перстню.

Содержатель здѣшняго нѣмецкаго Театра Мейреръ 300 червонныхъ.

Нижнимъ чинамъ баталіона Таврическаго гранодерскаго полку за ученіе Его Величество пожаловалъ по рублю на человѣка.

(*) Сей почтенный старшина объявилъ не давно, что онъ въ завѣщаніи своемъ откажетъ по смерти своей этотъ перстень упомянутому обществу, которой послужитъ вѣчнымъ памятникомъ особеннаго Монаршаго благоволѣнія, и старшина общества въ правѣ будетъ носить его на рукѣ при всякомъ торжественномъ празднествѣ,

Заходящее солнце оставило послѣ себя прекраснѣйшій вечеръ, нашъ же юный Царь, послѣ отсудствія своего, пріятнѣйшія впечатленія.

Монархъ свѣдалъ, что въ Перновскомъ уѣздѣ, гдѣ неблагодарная земля худо награждаетъ трудолюбіе земледѣльца, и гдѣ опричь сего трехгодичной сряду наурожай изтощилъ у помѣщиковъ всѣ средства пособить своимъ крестьянамъ, все грозило въ немъ ужасами совершеннаго недостатка. Его Величество изволилъ приказать, уѣзжавъ изъ Риги, чтобъ изъ здѣшныхъ казенныхъ хлѣбныхъ магазиновъ отпущено было въ займы для сего округа на раздачу крестьянамъ отъ двухъ до четырехъ тысячъ четвертей муки.

И съ этимъ прямо Царскимъ поступкомъ заключимъ сей не большой эскизъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ.

I.

По утру въ день прибытія Его Величества въ Ригу ходило по рукамъ публики слѣдующее небольшое твореньице, на заданной текстъ:

КАКЪ НАМЪ ЕГО ПРИНЯТЬ?

Запросъ Рижскихъ жителей къ 24 Маію 1802.

Время такъ коротко! сердца наши такъ полны! а въ Немъ мы видимъ такого Монарха, которому при всей неограниченности нашей къ Нему любви и преданности, мы всегда готовы сказать: „мы Тебя любимъ и чтимъ не потому что Ты Монархъ, а потому что Ты близокъ нашему сердцу!„

Граждане! будемъ спокойны со стороны Его. Все что мы для Него ни здѣлаемъ, удачно ли или нѣтъ, Онъ

чно поймешъ наше доброе намѣреніе въ хорошую сторону.

По улицамъ въ кущахъ толпящагося народа, гдѣ на тотъ часъ не будетъ ни одного человѣка съ отягченнымъ сердцемъ или пасмурнымъ лицомъ, или никого, которой пришелъ только для того чтобы посмотрѣть на другихъ и послушать, ни одного, которой бы не былъ настроенъ къ живѣйшей радости, и не веселился въ душѣ своей, что увидитъ АЛЕКСАНДРА, — Энтузіастической восторгъ, съ коимъ бы глазъ могъ Его видѣть близко въ отдаленности, и провожать взоромъ въ изчезаніи — Радостное восклицаніе старца:,, благодарю Бога, что мнѣ привелось еще взглянуть на Него прежде смерти!,, — Распросы дѣтей: ,,Такъ этотъ красивой юноша тотъ самой и есть добрый Государь, про котораго вы намъ всегда говорите?,, — Нѣмое пріязненное пожиманіе рукъ

между мужчинами, и сверкающія отъ радости слезы на глазахъ матерей, которыя столько щастливы, что воспитали Ему добрыхъ гражданъ, лучшую подпору отечества — Одинакое чувство патріотизма согрѣвающее болѣе нежели 30000 человѣкъ божественною своею теплотою — Вотъ пріемъ достойной высокаго нашего Посѣтителя.

А во время Его здѣсь пребыванія?

Онъ конечно не только не отречется, но и за долгъ поставитъ Себѣ принять отъ ощастливленныхъ Имъ живѣйшую признательность. Онъ не уклонится отъ веселящейся толпы съ ребяческою невинностію. МОНАРХЪ и безъ того всегда окруженъ служителями своими вездѣ гдѣ Онъ престольствуетъ, и гдѣ трудъ и заботы съ Нимъ не разлучны. Въ Провинціяхъ возлюбленный принадлежитъ весь народу, поелику

сей классъ людей болѣе прочихъ признательной, но имѣя рѣдко случай Его видѣть, они за то на этотъ разъ хотятъ въ Немъ боготворить Кумира своего.

Всякая наша Ему жертва будетъ пріятна. Но граждане! *Устроимъ для Него празднество по Его сердцу.* Общее благо-единственная цѣль всѣхъЕго дѣяній: О когдабъ мы могли здѣлать что либо для блага общаго!

Я умалчиваю о пользѣ нашихъ заведеній для страждущаго человѣчества. Это прекрасное право принадлежитъ особамъ, которымъ здѣлано на то порученіе правительствомъ. Одно Монаршее слово! Одинъ намѣкъ на сокровища торговли, которыми мы обогощаемъ Европу! Одна черта Его пера — и они учреждены на самомъ твердомъ основаніи. Но когдабъ я былъ старшина какого нибудь общеполезнаго

...ленія, гдѣ бы требовалось поправленій, или ... какого нибудь общества, гдѣ бы *я могъ* здѣлать что либо доброе, или, наконецъ, соучастникъ какого нибудь права, которое бы могъ распространить на многихъ — Вотъ вамъ мое слово, что *сегодня я* бы на все охотно согласился. Хотя многїе изъ нашихъ богачей достойные обладатели своихъ имуществъ, и стражлущее человѣчество не рѣдко находитъ въ нихъ благотворителей своихъ, но *я* не могу отказать моему сердцу чтобъ не пожелать: о когдабъ могли они, покровители сирыхъ и безпокровныхъ, кои здѣлали такъ много добра, *или кои имѣютъ похвальныя къ тому* свойства и расположенїе, о когдабъ всѣ доброжелатели и благотворители составили между собою братской союзъ, и ознаменовали сей радостной день какимъ либо новымъ филантропическимъ

заведенїемъ, достойное вниманїя потом-ства! О когдабъ они о[illegible]ствили пре-красную [illegible] учрежденїя дѣвичїй шко-лы! или дѣтямъ, которыя не знаютъ своихъ отцовъ, и коимъ часто не доз-воляется любить матерей своихъ, до-ставили убѣжище и призрѣнїе! или, наконецъ, изтаевающимъ отъ хлада и голода, теплый уголъ и пищу!

Но естьли силы ваши не будутъ соразмѣрны благимъ намѣренїямъ, чтобъ праздновать свое веселїе *въ духѣ АЛЕКСАНДРА;* то знайте: что все-общее распространенїе радости есть главная потребность Его великой души. Когдабъ богачи простили работящимъ прилежно отцамъ многочисленныхъ се-мействъ, или печальной вдовѣ выдали годовое содержанїе на продовольство ея и съ малютками своими — Когдабъ достаточные удвоили дряхлымъ стар-цамъ дачу ихъ на всю жизнь; съ этаго

дня заплатили за науку юноши; или замѣнили лучшею одеждою обветшалое платье вдовицы — Когда бы, кто и самъ не имѣетъ большаго избытка, далъ по своимъ силамъ и возможности: утомленному подкрѣпленіе, больному лѣкарства целѣбныя, робенку подарокъ — Когдабъ тѣ, которые издавна другъ друга избѣгаютъ, встретившись сегодня примирились на всю жизнь свою, и заключили торжественно союзъ братства; когдабъ старатели изпросили обѣщанное для покровительствуемыхъ ими; когдабъ никто не отказалъ другому въ прозьбѣ его, — Когдабъ всякой изъ насъ сегодня здѣлалъ какое либо добро для своего ближняго, или бы утѣшилъ его какимъ ни есть образомъ — *тогда бы празднованіе наше было по сердцу АЛЕКСАНДРА!*

II.

АЛЕКСАНДРУ ВОЗЛЮБЛЕННОМУ.

Поднесено въ Ригѣ письменно 26 Маїя 1802, Лифляндскимъ резидентнымъ Ландратомъ господиномъ Унгерномъ-Штернбергемъ.

Всемилостивѣйшїй Государь!

При радостныхъ кликахъ многихъ милїоновъ подданныхъ, Ваше Величество возсѣло на освященный Престолъ Предковъ Вашихъ — Отецъ безчисленныхъ чадъ своихъ! — и — съ блестящими перлами на глазахъ, мы поклялись торжественно въ лицѣ неба сохранить до гроба вѣрность и подчиненность къ Царю нашему!

Уже Лифляндїя признаетъ Васъ, *обожаемый МОНАРХЪ!* по четырнадцати мѣсячномъ мудромъ правленїи Вашемъ, — обновителемъ ея благоденствїя,

— ея древнихъ правъ, кровїю отцевъ нашихъ освященныхъ! — Избавителемъ отъ угнетавшаго насъ чрезъ цѣлое полу-столѣтїе побора земными продуктами — созидателемъ храма Музъ, для образованїя настоящихъ и грядущихъ племенъ! — и она манитъ себя не лестною надеждою вознестись на горнюю степень блаженства подъ скипетромъ АЛЕКСАНДРОВЫМЪ! —

Но нынѣшнїй день преисполнилъ всѣ желанїя благоурожденныхъ Лифляндїи — и сей день, величайшїй изъ Вѣнценосцевъ! привелъ Васъ по среди любящихъ чадъ Вашихъ! а вмѣстѣ съ воззрѣнїемъ на Васъ — сердца въ насъ сильнѣе прежняго бьются для вѣрности, любви и повиновенїя! —

Удостойте Ваше Величество всемилостивѣйшаго принятїя всерадостнаго поздравленїя отъ имени всей Лифляндїи съ щастливымъ прибытїемъ

Вашимъ, и отпустите мнѣ съ обыкновеннымъ Вамъ милосердїемъ, что языкъ мой не въ силахъ выразить того, что произходитъ въ сердцахъ моихъ собратїй, ибо чувства серцца свыше всякаго искусства Оратора; и позвольте здѣсь торжественно удостовѣрить Ваше Величество, что дворянство Лифляндское готово пролить для Вашей славы и пользы Россїи кровь свою до послѣдней капли, и въ томъ поставляетъ свое верховное благо, чтобъ твердымъ и постояннымъ вѣрноподданичествомъ своимъ, заслужить высочайшую Царскую любовь и благосклонность!!! —